

Золотая подковка

Давным-давно, когда моя мать и мой отец были ещё малыми детьми, жили в одной деревне муж да жена. Хозяйство бедное, ни коров, ни лошадей, одна коза, да и та вот-вот ноги протянет. А детей у них было: сын Аким да дочь Васёна. Дочь – писаная красавица, всем взяла, и стройна как тополь, и бела, и умна. Да только беда с ними приключилась: как-то водили девушки хоровод на лугу. Васёна заводилой была. И вот в самый разгар пляски нога у Васёны подвернулась, упала она, а встать уже не могла, домой девушку на руках снесли. Вот с тех пор и занемогла Васёна, бледнеет, худеет, нога сохнет. Родители и брат смотреть не могут на неё без слёз, ни песен в доме, ни веселья, лихо и скорбно, как после похорон. До этого много у Васёны женихов объявлялось, все руки её просили, были среди них даже и сыновья царей. Все блага обещали, если она станет женой кого-либо из них. Но рано Васёне было замуж идти. А тут, когда беда приключилась, исполнилось ей осьмнадцать лет, а женихи-то думать про неё забыли.

Вот бедует семья с хворой девушкой, все средства испробовали, чтобы беду изжить, Васёну спасти. Вконец разорились.

Отец умер от горя, и мать вот-вот вслед отцу уйдёт, только брат Васёны, Аким, не унывает не то по младости, не то по неразумению, песни играет, птиц учит петь и сам у них учится. Но однажды принёс он домой, по просьбе сестры любимой, Голубку лесную да Горлинку. А надо сказать, что горлинок в том месте, где жили они, не водилось, эта заметной оказалась, и попалась Акимке в силки. Разгорелись щёки у Васёны при виде этих милых пташек, даже замурлыкала от радости, а Аким колесом из дому — доволен, что сестре угодил. Матери дома тоже не было. Вот и захотелось Васёне птиц покормить. С большим трудом приподнялась она, доковыляла до стола, в столешнице крошек кое-каких насметала и понесла к клетке. Клетка высоконочь была, подтянулась она, чтоб дверку открыть, высыпала крошки да нечаянно наступила на больную ногу... тут, как игла, кольнула в пятку ту ногу, и до мозга боль в сознание прошла. Тут Васёна и свету не взвидела.

Сколько Васёна лежала так без памяти, никто не знает, только проснулась она от шёпота; ничего понять не может, слышит: Голубка с Горлинкой разговаривают на своём языке, а она понимает их разговор. Горлинка говорит Голубке:

– А ей и невдомёк, что братец ей не только птицу подарил, а и знание всего птичьего языка.

Голубка спрашивает Горлинку:

– А чем же страдает наша красавица? Что за болезнь у неё?

На то Горлинка ответила:

– По ту сторону гор, лесов, морей и океанов есть царство. Правит там царь Соломей. Есть у него единственный сын, давно царевичу пора жениться. Много невест пересмотрели царь с царицей, да всё не те: то красотой не удалась, то богатство малое. Царь-то с царицей всё ж жадные были да скупые, и все им надо было больше своё богатство умножить. Все девушки в царстве и вокруг уже были и пересмотрены, и смотреть осталось некого. Вот тогда они и решили царевича отправить в дальние страны себе невесту подыскать. А царевич обладал одной странностью: при рождении одна из добрых фей наградила его золотой подковкой на правой пятке на двух золотых гвоздиках.

И вот, странствуя по белому свету, ища себе невесту, царевич, превратившись в крестьянского простого парня, танцевал вместе со всеми на лугу. Ну, значит, один гвоздик из подковки у него затерялся. Почувствовав это, он вернулся домой. И посчастливилось на этот гвоздик из золотой подковки наколоться Васёне. С этого у ней и стала сохнуть нога. И Васёна страдает, и молодой царевич страдает. Слышала я, одна мудрая старушка говорила, что тот счастлив будет, кто найдёт от золотой подковки царевича золотой гвоздик.

Тогда Голубка спрашивает:

– А добраться сможет ли Васёна до того царства?

На то Горлинка ответила:

– Знать я того не знаю, только знаю, что в клетке, в которой мы сидим, сидит небольшой паучок. Нить его паутины приведёт Васёну к счастью, но только ей должен помочь в этом брат. А брат неразумен, молод.

Тогда Голубка и говорит:

– Это моя забота, спасибо тебе за добрый совет.

Поговорили птицы между собой и задремали, уснули. Уснула и Васёна, а когда проснулась, понять не может, не то она разговор этот во сне видела, не то это наяву было.

Мать вернулась домой, она матери рассказала свой удивительный не то сон, не то быль. Брат вернулся домой, мать и сыну повторила рассказ Васёны. Долго не мешкая, брат решил открыть клетку и выпустить птиц, но они как на беду спали. Хотел их сонных выбросить, да Васёна пожалела и сказала:

– Дай мне, я с собой их возьму, пусть они будут при мне.

Нашли небольшого паучка, посадили на руку Васёне в платочек батистовый. Он из платочка вылез и сказал человеческим голосом:

– За твою доброту, за твою красоту возьми вот эту ниточку, намотай на мизинец, я полечу быстро, ниточку буду выпускать, а ты ниточку на палец сматывай, да так и придёшь за мной, куда тебе надо. А ты, Аким, нас пищей будешь обеспечивать: мне пить доставать, Васёну кормить, умывать, на трудных участках пути помогать...

Отправились молодые люди. Долго ли, коротко ли шли они. Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Пока они добирались до этого царства, Аким вырос в красивого доброго молодца, неопisanного красавца, только Васёна час от часу все хуже и хуже становится, уже идти не может. Тогда Аким взял её на руки, попросил, чтоб она не забывала сматывать ниточку от паука, понёс её на руках. Долго шли они: много гор переходили, много болот перебрались, много рек переплыли, до моря дошли. А дальше-то идти и не знают куда, ниточка оборвалась, паук пропал.

Сидят они ночь, сидят они день, сидят вторую ночь и день, сидят третью ночь и день. Васёне хуже час от часу, вот-вот, глядишь на неё, глаза закроет, и нет её больше. Что делать Акимке? Попросила она попить, зачерпнул воды Аким, а вода солёная, пить нельзя: жара страшная. Пошёл он ручеёк искать. Идёт-идёт, долго шёл, услышит журчание, побежит – а ничего нет. Снова бежит вперёд, видит – река засверкает впереди, подбежит – ничего нет, так и бегал-бегал, да и заплутал. Сел на пенёк, да и заплакал. И вдруг старичок: маленький-маленький, худенький-худенький, подошёл к нему и говорит:

– Что ты плачешь, мил человек? Поделись со мной своим горем, а я с тобой советом поделюсь.

Посмотрел он на него и говорит:

– Сестра у меня больная, у моря лежит, есть-пить просит, а у меня ничего с собой нет; были стрелы – дорогой израсходовали, была вода – дорогой выпили. – И путь рассказал, и цель, куда они направлялись. Тогда старичок и говорит:

– Выдерни пенёк, на котором ты сидишь, здесь источник появится, сам напейся и Васёне отнеси, только много не бери, а то беда будет. А чтобы вам больше с пути не сбиться, вот вам ореховая скорлупка, сядьте в неё: сначала посадите Горлинку с Голубкой, которые у Васёны на груди, переправьте, а потом скорлупка назад сама вернётся, и потом сами сядете да переедете. А дальше – дальше вас уже Горлинка поведёт.

А надо сказать, что Горлинка – это была дочь старика-мудреца. То же самое, за неё сватался сын одной из самых злющих и самых зловредных ведьм, но царь не захотел отдать свою дочь за этого противного, страшного сына. И тогда ведьма заколдовала на три года три месяца три дня и трое суток, значит, девушку превратила в горлинку. И за это время её никто не должен был полюбить; если только её кто полюбит, и полюбит чисто, верно и на всю жизнь, только в том случае она станет снова девушкой.

– Только ты не открывай этой тайны своей сестре, если не хочешь погубить всех, в том числе и Горлинку.

Ну ладно, встал Аким, хотел поблагодарить старичка, а его и след простыл. Только тополечёк, тоненький да стройненький, шумит на ветру мелконькими листиками. Подумав, что это и есть мудрец, Аким поцеловал каждый листочек; напряг свои силы, собрался пень выдернуть, только рукой дотронулся, а он сам выскочил, и чистый-чистый родник засверкал на солнце своей изумрудной водой. Напился Аким и чувствует, что в нём как будто бодрости прибавилось. Взял скорлупку ореховую, наполнил её водой и пень на место поставил, и пошёл к морю; посмотрел на сестру – она так слаба, как будто бы совсем уже мертва. У него невольно рука потянулась, чтобы напоить сначала сестру, но вовремя руку отдернул, вспомнил наказ мудрого старика, взял и птиц напоил, потом вернулся к источнику, набрал воды для своей любимой сестры. Сестра попила немножко тоже, взбодрилась. Тогда посадили Горлинку с Голубкой в скорлупку ореховую, она раздалась как раз настолько, насколько это было нужно, и отправили их через море. Долго не возвращалась скорлупка ореховая, буря на море поднялась, чёрные тучи в небе засверкали, вот-вот гроза разразится, а укрыться негде, кругом только один песок, ни былинки, ни травинки нету. Запечалился Аким: как же сестру от новой беды спасти? Где же скорлупка? Почему так долго не возвращается? Наверное, её ветром отнесло совсем в другую сторону. Пойти посмотреть по берегу, может, где в другом месте прибило – сестру страшно оставить; остаться возле сестры – значит остаться навсегда возле моря или вернуться ни с чем домой, значит, погубить дорогой сестру, значит потерять своё счастье. Долго размышлял Аким, как ему поступить, и решил:

– Лучше я спасу сестру, прикрою от бури.

И взял своим телом и прикрыл от холода и дождя свою сестру.

Как началась гроза, так и закончилась, с нею засверкало яркое солнце.

Глядь, а возле их на самом песке золотой челнок. Подивился Аким: откуда же мог челнок взяться, ведь мы же отправили скорлупку ореховую, а тут челнок, но долго раздумывать некогда было. Посадил он Васёну в челнок, сам сел, взял золотые вёселки в руки, и они быстро перебрались через море.

На том берегу их ждали Горлинка и Голубка. Попрощалась Голубка с молодыми людьми, с братом и сестрой, со своей подружкой Горлинкой и сказала, что ей надо возвращаться на родину, её ждут малые дети. Пожелала им счастливого пути, и Горлинка повела брата с сестрой дальше за своим счастьем.

Долго ли, коротко, близко ли, далеко, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, добрались они до крутой-крутой горы. Ни вокруг её обойти: с одной стороны океан обмывает, с другой стороны – отвесна как стена, ни за что не взобраться. И прямо перед ними ни кустика, ни травинки, за что было бы уцепиться, хотя бы на метр подняться. Долго думали и всё-таки решили попробовать. Попробовали ступеньки вырубить, да нож притупился, пробовали ползком ползти. Посадит на себя Васёну Аким, метра два поднимется, на три назад съедет. Долго мучались, долго бились, из сил выбились, уснули. Утром проснулись и видят: перья от Горлинки, как сами собой, выросли на горе до самой верхушки. Держась за перья Горлинки, они очень быстро поднялись на вершину горы. А с горы увидели, как раскинулось царство. Но как к нему подобраться? Перед ними огненная река – гарью пахнет, жаром обдаёт, пить хочется, во рту пересохло, а через реку никак не перебраться, а Горлинки не видать – куда-то делась. Запечалился Аким, видит, что Васёна опять уже ослабела сильно. Что делать? Пить просит, напоить нечем. Думал-думал и решил: а дай-ка я напою её кровью своей, спасу сестру. Если сам погибну, она здорова останется, в моей крови сила есть.

Проколот палец и начал по капельке выжимать кровь в рот своей любимой сестре Васёне. Оправилась Васёна, увидела, чем он её напоил, взяла тот батистовый платочек, в котором был паук завёрнутый, и решила ему палец завязать, да увидела на мизинце паутинку, она и догадалась: а дай-ка я этой паутинкой ему палец обмотаю, а платочек мне ещё в жару

пригодится. И стала наматывать паутинку со своего пальца на проколотый палец своего брата. Чем больше она ему наматывает, тем быстрее от неё брат отдаляется – так паутинка сама собой его отталкивает. Видит, что он уже у неё из глаз скрылся, давай она обратно паутину себе на палец наматывать, шажками маленькими вперёд подаваться. Идёт, паутинку мотает, а брата не видать. Шла-шла и видит мост, а на мосту Аким стоит да рукой её к себе подманивает. Пошла кое-как она к нему, взял он её на руки и перешёл через мост, и оказались они в царстве царя Соломея.

Дело к вечеру, тело отдыха просит, постучались они в крайнюю избушку, завалюшка-завалюшкой была. И видят: лежит хромая старушка, продукты перед ней, вода перед ней, а она есть просит. Удивились они, Васёна говорит:

Почему же ты, бабушка, руку не протянешь, да не возьмёшь, да не поешь, да нам не предложишь.

Тогда она и говорит:

– А чем спрашивать, ты бы взяла, подошла да подала еду, я бы поела да попила.

Васёна подошла, взяла хлеб в руку, только протянула, а старуха хват её за шею да и давай душить. Васёна повернуться не может, крикнуть не может, чувствует, что горло пересохло, выпить хочется, и нечаянно она губами до блюдца с водой дотронулась. Боль прошла по телу Васёны, больше ничего не помнит.

Очнулась когда – видит, а вместо старухи на койке деревянная кукла лежит и Акима нету, делся куда-то. Встала Васёна, оправилась, поела, попила на улицу вышла, и тут девушка заходит: слугу царь послал, чтобы Васёну во дворец привести. Взяла девушка Васёну за руку, повела во дворец.

Идёт Васёна, едва ковыляет, на ногу приступить не может.

Спрашивает служанка Васёну:

– Что с ногой у тебя случилось?

Она возьми да и расскажи ей, что царевич потерял от золотой подковки гвоздик, и она на этот гвоздик накололась, и он у неё теперь в пятке. Девушка, значит, и говорит:

– Давай я тебе помогу, гвоздик вытащу.

Васёна же было поддалась, да вспомнила, что птицы говорили, что нельзя этот гвоздик брать-вытаскивать никому, даже самому царевичу. Отвертелась Васёна. Пришли они во дворец, царю доложили. Царь повелел завести её в хоромы.

Завели Васёну. Сидят царь с царицей на высоком троне за богато убранном столом, а вокруг министры да визири сидят, слуги у дверей стоят. Дал царь знать, чтоб Васёна поближе подошла. Подошла Васёна. Велела царица на колени стать да поклониться, а крестьянская девушка гордая, она знает, кому и когда кланяться, когда кому и поклон отдать. Не встала Васёна на колени. Тогда царь рассердился, позвал слуг и заставил поставить Васёну на колени. Подскочили слуги, поставили Васёну на колени, а в это время царица подсакивает с трона, подбегает к Васёне и за пятку, чтобы золотой гвоздик оттуда вытащить.

Вспомнила вовремя Васёна, чего от неё хотят и чего она не должна сделать, стала бороться, на своём настояла, не дала царице гвоздик из пятки вытащить. Тогда царица с царём разозлились и повелели Васёну посадить в темницу глубокую. Вышли они. Аким бросился на помощь своей сестре, отобрал сестру и велел ей идти обратно в избушку на ночлег, на отдых, а сам решил разведать, где царевич находится.

Ушла Васёна, Аким туда-сюда, как же узнать, где же царевич? И попадаетея ему слуга старичок и спрашивает:

– О чём закручинился, добрый молодец? Что тебя привело в царство Соломея?

Рассказал ему Аким, в чем дело, и спросил его, где находится сейчас царевич. А слуга и говорит:

– Видишь, вон высокая гора стоит, а на горе стоярусная башня. Так вот, на сотом ярусе и сидит царевич. Поднимаются к этому царевичу три раза в день, чтобы принести ему попить-поесть. Поднимаются только личные слуги царя, никто туда пробраться ни в какое время дня и ночи не сможет, но я тебе помогу. Работает среди личных царских слуг мой

троюродный брат. Этот брат понесёт ему в полночь воды испить, я с ним поговорю. Ты будь в это время поблизости, одену я тебя в платье моего брата и поднимешься ты к царевичу да расскажешь всё ему в точности. А тут уж царевич сам придумает, как из положения выйти.

Как сказал, так и сделал. Подошла полночь, увидел Аким, что брат слуги несёт царевичу воды испить; быстренько возле них оказался, быстренько его переодели в платье слуги, и стал он подниматься на сотый ярус к самому царевичу. Долго поднимался. Поднялся когда, стал царевичу пить подавать, да не те слова сказал, что нужно было сказать слуге. Царевич и догадался, что здесь что-то не так. Стал он выпытывать, стал он выспрашивать, и рассказал ему Аким, что гвоздик с его золотой подковки в ноге его любимой сестры, что сестра находится на краю царства в избушке-завалюшке, где лежала старая-старая старуха. Выслушал царевич Акимку и говорит:

– Вот что я тебе скажу: сюда-то ты подняться поднялся, а отсюда ты уж больше не выйдешь. Что бы выйти отсюда, перед самой последней дверью нужно сказать особые слова, которых и я сам не знаю. Беда тебе грозит неминуемая, но что бы с тобой ни случилось, дам я тебе перо от птицы. Это перо научит тебя вовремя, что и как тебе делать. А теперь спускайся смело, но берегись: бережёного и бог бережёт.

Выслушал Аким царевича, взял посуду, из которой царевич пил, и стал возвращаться обратно. Перед самой последней дверью, когда подошёл, ничего не заметил, а как оглянулся назад, видит: трое слуг стоят, да таких здоровенных, да таких сильных, да таких страшных, что он хоть был и не робкого десятка, а ноги у него подкосились, и руки у него задрожали, и сосуд пустой из рук выпал, вдребезги разбился.

Он вспомнил, что, когда был ещё маленьким и его бабка ему говорила, что посуда бьётся всегда к счастью. Думает: ведь и моё счастье впереди, затем и иду я. Так пусть же все бьётся, пусть разбиваются все преграды, а до счастья я свою сестру доведу и сам дойду. Подумал так, а тут у него в ухе и почувствовал, что что-то там есть, вытащил, и маленькая-маленькая букашка у него на пальце оказалась, и вот усиками она шевелит, как будто бы ветер наклонит то в одну сторону, то в другую сторону, какой-то чудесный-чудесный звон от этих травинок исходит. Прислушался он, смотрит, и слуги уже прислушиваются, тоже как будто бы замерли. А он и думает: «Ага, так это мне перо помогло. Это же значит, пока они слушают, я должен в двери пройти».

И пошёл. Прошёл, когда слуги опомнились, да поздно: Аким уже и из глаз скрылся. Пошёл он по двору, уже до самых ворот дошёл, и вдруг налетают на него страшные псы. Стали хватать, стали на нём одежды рвать, тут звон по всему двору пошёл, да и схватили Акима слуги, да и приволокли его снова к царю.

Пытали страшными пытками: и голодом морили, и в страже держали, только ничего Аким царю с царицей не сказал, кто он, откуда и зачем, твердит своё: крестьянский сын, пошёл своё счастье искать. Больше от него добиться ничего не могли и решили его казнить, потому что слуги видели, как он поднимался в стоярусную башню. Решили страшной лютой смертью казнить его: сбросить его в большую тёмную, страшную яму, где на кольях он может своё живое тело на куски разорвать. Повели слуги его, ведут, а он песни поёт, стали спрашивать, почему он песни поёт перед смертью, а он и говорит:

– Русский человек – смелый человек, который знает, за что идёт, зачем идёт, он всегда с песней пойдёт, потому что песня очень большая помощь в жизни человеку.

Идёт дальше, опять новую песню завёл, а слуги между собою пошептались и говорят:

– Жалко. Красивый, молодой. Зачем убивать? Давай сбросим его вон там, за огородом в яму, глубокая яма, он хоть летать будет, да не ушибётся, упадёт, да не расшибётся, авось да на белый свет выйдет.

Как сказали, так и сделали. Шли-шли, Аким-то ямы не заметил, а они взяли да легонько его и подтолкнули. Акимка полетел. Сначала у него в глазах потемнело, в ушах зазвенело, но страха в душе не было, только одна дума: а как же Васёна, что же будет с Васёной. И больше подумать ни о чём не успел, ударился и сознание потерял.

Очнулся когда, темнота кругом страшная. Страх Акиму в душу забрался. Сунулся вправо – на стену скользкую наткнулся, кинулся влево – там что-то ещё страшнее ему показалось, бросился назад – как будто бы его сзади руками нарочно вперёд толкают. Что делать? Сесть нельзя, что-то острое попадает; руки протянуть в сторону тоже нельзя, как будто бы кто-то сзади за локти держит. «Что такое? – думает. – Только путь один – вперёд».

Пошёл Аким вперёд, темнота – хоть глаз выколи. Но он идёт, идёт – и снова песни начинает петь. Шёл-шёл долго и видит проблески какие-то, вроде как светлячок засверкает и снова потухнет, засверкает и снова потухнет. А потом уже не один стал, стало два, три, а потом и больше дюжины. Его это заинтересовало, он шагу прибавил, идёт уже не ощупью, а смело шагает вперёд; и как будто бы дорога нарочно гладкая да мощёная, ни разу не запнулся. Он к огонькам, а огоньки от него, он за ними быстрее – они от него быстрее. Вот так они, как будто бы стараясь обогнать друг друга, и продвигались вперёд...

И вдруг открылось такое сияние, что глаза зарезало. Оглянулся он вокруг – большая поляна, а на поляне и не поймёшь, что: не то дворец, не то шатёр большой. И только почувствовал, что ему спать захотелось, и думает: «Пойду, попытка не пытка, кто бы ни был, коль он живой человек, он меня напоит и накормит, а не напоит и не накормит, я сам возьму».

И пошёл смело. Подходит ближе к этому не то к дворцу, не то к шатру, а у него под ногами дорожка раскатывается, как будто невидимый человек её перед ним расстиляет. Стал на крыльцо подниматься – чудесный звон колокольчиков стал разливаться, вдруг фонтаны забили, заблагоухали цветы. Удивился Аким. Оглядывается по сторонам – нигде никого не видно. Шёл-шёл, зашёл в первую палату, постоял у дверей и думает: «Что же мне наперёд – или попить попросить, или спать лечь?» Только проговорил, а ему как будто в ухо кто-то шепчет:

– А ты сделай то и другое, и попей, и поспи, отдохни, погуляй да посмотри.

Послушался он и видит; стола нет, ничего нет, кушанья как будто бы в воздухе висят на всяких золочёных да хрустальных блюдах; и яства, и кушанья, и питья разные есть.

Но крестьянский сын не привык сильно роскошно ужинать, думает: «Я сначала немножко поем, а это на другой день оставлю, а это положу да сестрице гостинец унесу. Вот только бы поспать сейчас».

И вдруг кушаний не стало, а как будто бы на воздухе перины расстелены, но высоко. Думает: «Как же я заберусь?»

Оглянулся: ни лесенки нигде, ни скамейки – ничего нет. Только подумал и оказался в перинах пуховых, под белоснежными покрывалами. Музыка очень нежная заиграла. Он только успел пожелать спокойной ночи своей сестре да пожалел, что с ним нет Горлинка, она бы что-нибудь ему подсказала, и уснул в тот же час. Уснул и слышит:

– А ты не печалься, я с тобой, я тебе помогу, я здесь. Ты спи-спи, не волнуйся.

И уснул он крепким-крепким сном. Проснулся и думает: «Что же такое? Или я её голос слышал наяву, или это все мне во сне приснилось? Если наяву, то что-то должно остаться».

Поднял руку, хотел по голове себя провести, а глядит: у него перо в руке, а на конце, на самом кончике пёрышка шарик прозрачный всеми цветами радуги переливается.

Приподнял он, одной стороной повернул – отца с матерью увидел, как будто бы отец живой в это время был; повернул другой стороной и видит: его Васёна на кровати сидит и золотую куделю прядёт, а возле неё Голубка сизокрылая, которую он ей из леса приносил.

Успокоился Аким и думает: «Ну, ладно, Васёна жива, и Голубка с ней, а что же я? Куда же мне идти?»

Вышел в сад, ходит и видит – девушка. Такой писаной красоты ему нигде ещё не попадалось: в лёгких прозрачных одеждах, сама хрупкая, тоненькая, изящная, и говорит:

– Добрый день, добрый молодец. Это я – твоя Горлинка. Нравлюсь ли я тебе? Хочешь ли ты, чтобы я стала твоей женой?

Он на неё посмотрел, ничего не сказал и не мог сказать, потому что от радости у него в горле запершило, сердце так заколотилось, что кажется, под землёй стучит оно же самое, в ногах стуком большим отдаётся.

Она посмотрела ему в глаза да и поняла, что спрашивать-то ни о чём не надо.

Повела она его к себе, в свои хоромы. Приводит, а там старичок-мудрец сидит, который ему из-под пенька прозрачной родниковой воды предложил, и говорит:

– Ну вот, ты так поступил, как я тебя учил, – это очень хорошо. Тебя полюбила моя Горлинка – это тоже хорошо, и ты её любишь – это тоже хорошо. Только это хорошо, да мало. Предстоят вам в вашей любви ещё большие испытания. Прежде чем свадьбу сыграть, тебе придётся очень много по миру погулять, силу свою попробовать, обиженным помочь. Только тогда ты получишь Горлинку себе в жёны.

Запечалился Аким, а Горлинка ему шепчет:

– Успокойся, я всегда с тобой, я всегда тебе помогу; только ни на одну минуту не забывай на своём мизинце поворачивать перстень: до обеда – красным камешком вверх, после обеда – изумрудом вверх. Коль позабудешь – беда большая будет.

Ладно, утро вечера мудренее, разошлись они каждый по своим покоям. Проснулся утром Аким, старичок выводит ему красивого белоушного коня. Сел Аким на этого коня и спрашивает:

– В какую же сторону мне ехать?

А Горлинка махнула платочком – куда она махнула, туда он и повернул, даже ни с кем не попрощавшись.

Ехал-ехал и доезжает до трёх дубов. На одном дубе висит золотой музыкальный инструмент, на втором дубе висит изумрудная шкатулка, а на третьем дубе – простая бумажка, что-то на ней написано, а что написано – не понять, и так повернёт – прочитать не может, и так повернёт – прочитать не может. Решил он посмотреть шкатулку изумрудную. Только до неё дотронулся, она у него в руках рассыпалась, и оттуда золотые горошины посыпались. Что с этими горошинами делать? С собой взять – нечестно будет, не тобой положено, не тобой возьмётся. Обрато сложить – шкатулку не соберёшь, она разбилась. Так оставить – кто-нибудь подберёт, а мне неловко будет. Думал-думал, как ему быть, и затолкал руку в карман по привычке за платком и вытаскивает платок батистовый, горлинкин, которым она ему путь указала, и думает: «Это тоже неспроста. Соберу-ка я эти горошины в горлинкин платочек да и повешу на дуб, пусть висят, коль шкатулку, виноват, разбил».

И всё-таки его заинтересовало, что же означает предмет, который висит на третьем дубе. Смотрел-смотрел, только руку протянет, а у него сзади руку будто бы кто назад оттаскивает. Сколько ни пытался правой, левой рукой это сделать, ему никак не удалось. Но тянет его прочитать бумажку. Подойдёт к бумажке, а прочитать не может. Думал-думал, снова за бумажку, да и положил в карман и пошёл. Пока он возле дубов возился, оглянулся, а у него коня нет. Опять беда. Решил идти пешком.

Идёт-идёт, долго ли, скоро ли, далеко ли: скоро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Шёл-шёл до темноты до самой, опять захотел спать. Где лечь? Решил возле ручья. Напился, умылся, лёг, есть хочется, а есть нечего. Думает: «Дай пойду посмотрю, возле речки светлее, авось да ягоды попадутся».

Ходил-ходил, ничего не нашёл, только руки в кровь о какие-то колючки изранил, решил руки вымыть. Стал руки мыть: как зачерпнёт воды, с кровью капля воды упадёт – так яблоко, другая капля крови с водой упадёт – так печенье какое-нибудь появится. А потом самая большая капля воды с кровью упала в воду, и роза расцвела, да такая красивая, каких он и не видел во сне даже. А пахнет так, что и не расскажешь, и не опишешь, это только надо понюхать самому. Полюбовался он и думает: сорвать не сорвать? Дай сорву. Это запах от Горлинки, это привет от неё.

Только подумал, а цветок рос-рос и превратился в девушку, Горлинку. Встретились они, поцеловались, словами обменялись, поворковали.

Горлинка и говорит:

– Знаю: ты не мог прочитать, что за письма висели на дубе. Ты не мог к тому дубу подойти, не мог взять, что там висит, и не надо. Если бы взял, ты бы от дуба не ушёл. Ты

разбил изумрудную шкатулку и хорошо сделал, что горошины себе не взял, если бы ты взял хоть одну горошину, ты бы меня никогда не увидел и сам бы погиб. Хорошо, что догадался листок с дуба снять, эти письма приведут тебя туда, куда надо. Если бы ты не взял письма с этого дуба, ты бы Васёну загубил, никогда бы не увидел.

Он вытащил листок, хотел, чтобы она прочитала, она говорит:

– Нет, ты сам прочитай.

Он развёртывает тогда и видит: написано большими, хорошо понятными словами: «Тот, кто возьмёт в руки этот листок, должен пойти туда, куда показывает стрела, нарисованная на этом листе».

Ну ладно, пошёл, а ничего у него с собой нет, даже ножа нет, даже нету кресала, чтобы огонь мог высечь. Пустые карманы, пустые руки, только кольцо, подаренное ему Горлинкой. Шёл-шёл он, доходит – пещера, заходит в эту пещеру и вдруг слышит шум, крик, гам. Он хотел было назад податься, а потом раздумал: «Что это я, трушу, что ли, робкого десятка становлюсь, нет, может быть, там моя помощь требуется».

Прошёл по пещере немножко, видит – отверстие какое-то, откуда крики да стоны доносятся: он туда и видит: черти избивают человека, да так страшно, что тот кричит не своим голосом, стонет не своим стоном. А они как будто бы не слышат его ни криков, ни стонов, продолжают его кто во что горазд, как что может, тот так ему и боль причинит. Сначала понаблюдал постоял, вроде бы испугался, а потом и думает: «Да что это такое – когда это было, чтобы русский человек да чертей боялся?»

Кинулся в самую гущу, одного отпихнёт, другого ударит; один ему за волосы вцепится, он другого за хвост поймает; один его копытом лягнёт, третьего он ногой толканёт. Всё-таки разбросал всех и вызволил человека.

Когда повёл его к выходу, и вдруг навстречу такая девушка – ослепительной красоты, ни в сказке сказать, ни пером описать. Васёна – красавица, Горлинка – красавица, но эта обеих их затмила. Оцепенел Аким, не знает, что ему делать, а человек, которого он из беды выручил, крепче за руку его сжимает: хочет Аким к красавице навстречу шаг сделать, а человек, вырученный им из беды, его на два шага назад тащит. Улучил минутку да и шепнул: «Это самая страшная беда на твоём пути; если ты меня не послушаешь, то больше белого света не увидишь».

Но, ослеплённый красотой этой девушки, Аким не понял того, что шептал ему вырученный им из беды человек. Не послушался он его, а и кинулся красавице в объятия. Та его привела, одела, накормила и спать уложила, а сама рядом с ним легла. Уж такие ласковые речи ему говорила, уж такие она ему сказы напевала, уж так она его убаюкивала да уласкивала, уговаривала да успокаивала, а и уснул Аким. А когда проснулся, то видит, что он на цепях висит, а вокруг него злые пауки цепи наматывают. Испугался, думает: «Что же такое, а где же красавица?»

Влево посмотрел – чернота одна, вправо посмотрел – пустота, вниз под себя посмотрел – пропасть страшная, сыростью оттуда несёт, холодом оттуда подует. Что же делать? Не выбраться ему отсюда. Всё, думает, пропал. Но только слышит – кто-то гремит, вроде как дверь открывает, замки снимает. Долго этот звук продолжался, открывается дверь, и заходит человек, которого он же от чертей вызволил, и говорит:

– Не я ли тебе говорил, что эта красавица – самая большая беда на твоём пути. Не послушался меня. Хорошо, что мне удалось скрыться, когда она тебя обнимая да милуя, про меня забыла. Я следом шёл да прошёл во все двери. Она подходит к двери – двери открываются, она пройдёт дверь – двери закрываются; а я незаметно бочком да торчком, да всяко разное за нею пробрался. Теперь я кое-что могу для тебя сделать за то, что ты меня от чертей вызволил. А если хочешь знать, кто я такой, когда я тебя вызволю, ты ни о чём не спрашивай, когда надо будет, я сам тебе скажу.

Вот давай что-то делать: то руками помашет, то головой помотает, то посмотрит, то поразговаривает что-то непонятное, то вскочет, то ляжет, то сядет, то нагнётся, то разогнётся. И чувствует Аким, что цепи слабее и слабее, а он всё ниже да ниже спускается,

а в конце концов оказался на уровне этой самой пропасти, в которую заглянуть, не только упасть, страшно, а этой-то человека не стало, которого он выручил от чертей.

Как же ему дальше-то быть? Ну, спустился-то спустился, и цепи ослабил, а как же всё-таки от цепей освободиться? Руки закованы, и ноги закованы. Думал-думал да вдруг как дернётся (что-то ему с ногой стало неловко), дёрнул этой ногой – цепь свалилась. Он тогда догадался, дёрнул другой ногой – другая нога освободилась. Теперь он висит, но висит над самой пропастью: если он ещё одной рукой дёрнется, ещё на другой руке держаться будет; если он обеими руками дёрнет, значит, всё – он полетит и прямо в пропасть. Думал-думал, как же здесь, какой выход? Попробовал раскачаться, раскачавшись на край пропасти вскочить. Удалось, упала с руки последняя цепь. Дальше пошёл. Дошёл до двери, отверстие небольшое, толкнул посильнее – пошире дверь открылась. Высунул голову, посмотрел – не видать и не слышать никого. Кругом тишина да покой, ветерочек ласковый веет, солнышко пригревает. Посмелее стал Аким, протиснулся в щель, по двору идёт. Идёт, а такие красивые цветы у него под ногами, что залюбуешься, и думает:

– Красивые и пахнут хорошо, а если я сорву, а вдруг да новая беда будет? Нет, уж лучше я не буду трогать.

До ворот дошёл. Ворота глухие, окованные железом, мудрёные запоры на воротах, и забор высокий, гладкий, никак не зацепишься, ни за что не перескочишь. Ходил-ходил он возле забора. Как же быть? Утомился в конце концов и лёг отдохнуть. Только лёг, и вдруг вихорь поднялся, да такой сильный. И чувствует, что его подняло и понесло куда-то. Сколько летел, долго ли, коротко ли, высоко ли, низко ли, но очутился он на небольшой дорожке. Сел, посмотрел: родничок протекает, в другую сторону посмотрел – ягоды невиданные. Попробовал – вкуса приятного. Испил воды – оказывается, не вода, а как будто бы целебный напиток какой-то. Отдохнул возле этого ручья, заснул немножко. Встал, огляделся и видит, под гору узенькая тропинка ведёт. А в долине, что вдалеке от этой дорожки, не то городок не городок, не то селение не селение, деревушка не деревушка, сам не поймёт, какие-то строения. И видит, люди копошатся. Направился он по этой тропинке, приходит к селению вблизи, видит: народ хмурый да понурый ходит. Все какие-то замазанные, зачумлённые, не разговаривают, некоторые плачут, у некоторых людей по телу коросты. Он и спрашивает у одного:

– Что это такое? Почему вы все такие хмурые да невесёлые, почему все такие грязные да оборванные, почему такие закоростенные?

А ему и отвечают:

– Был у нас царь, да заполонили его во время войны. Осталась на его месте сама царица; да полюбился ей государь из другого царства, решила она за него замуж выйти, а тот и говорит: «Если ты всё, что есть у тебя в царстве, и всё, что есть у твоих подданных, заберёшь с собой, значит, я возьму тебя. Если ты заберёшь только то, что принадлежит тебе, и не возьмёшь того, что в доме у каждого твоего подчинённого есть, значит, ты не попадёшь ко мне»

Думала-думала царица, да и в конце концов любовь-то её и пересилила к царю. Она обобрал: нас всех, забрала всё, что у нас нашла, собрала-убрала весь скот, всех лошадей, всех коров, и остались мы, кто в чём был во время работы. Только её царь увёз, а царя-то звали Соломей.

Аким думает: как же Соломей, у него же царица есть, как же мог он эту царицу увезти?

А оказывается, что пока Аким путешествовал по пропастям да преодолевал всякие разные преграды на своём пути, прошло уже немало лет, и в царстве у царя Соломея царица умерла. И он, значит, решил жениться на той, которая помоложе, а так как он был жадный да всё подгрёбал поближе к себе, то он решил жениться на этой царице с тем, чтобы она всё своё богатство и всё, что было у своих подчинённых, к нему перевела. Вот так и случилась у них беда! Нечего есть, холодают, голодают и не знают, где и как выход найти. Подумал он, подумал: «Что же делать? Чем же людям помочь?»

И вспомнил, что, когда он из ручья на горе пил воду, она вроде как целебной показалась. Вспомнил он, как он ел ягоды, он почувствовал, как будто бы бодрости в нем прибавилось. Тогда он вернулся на эту гору, набрал воды из целебного источника, набрал ягод во что только мог, принёс, стал умывать тех, которые были больные, всех накормил этими ягодами и видит: люди на глазах стали поправляться. Его полубоопытствовали: кто он такой, откуда он и что с ним?

Рассказал Аким все, начиная от самого дома. Тогда они и говорят ему:

– Будь нашим царём, Аким, ты добрый человек, мы верим тебе. Найдём мы тебе по душе невесту и заживём мы всем миром на славу.

Подумал Аким и думает: «Если я соглашусь, я людям добро сделаю. Если я вернусь к Горлинке, значит, счастлив буду только я да Горлинка. Так нет. Если Горлинка любит меня, она найдёт меня».

А про кольцо-то и забыл, которое ему Горлинка подала, она же наказывала, когда давала, чтобы он два раза в день до обеда, значит, красным камешком вверх; держал, а после обеда изумрудом вверх держал. А он и забыл про него. Тогда он вспомнил про кольцо-то, повернул и видит изображение Горлинки, и она как будто бы головой кивает, как вроде бы она ему совет даёт на согласие. И снова кольцо перевернул и говорит людям:

– Я согласен остаться вашим царём.

Только проговорил, что здесь поднялось, сколько здесь было шуму, сколько здесь было ликования! Такой пир закатили: три дня и три ночи гуляли. Сел Аким на трон, стал своим царством править. Малое царство, да крепкое царство: люди в царстве верные да умные. Долго ли, коротко ли он так правил, появляется у него Горлинка, да и зажили счастливо да любо.

А что же случилось с Васёной? А где же царевич? Где же его золотая подкова? А здесь случилась такая история...

Когда Горлинка проводила Акима в путь далёкий на поиски счастья своего, сама вернулась к Васёне и говорит ей:

– Пойдём во дворец. Сейчас я тебя спрячу в укромное местечко, только ты не стони, только ты не зови никого, сколько надо будет просидеть, столько и сиди, пока я знак не подам. А как подам, так ты выйдешь да пойдёшь за мной тихо да осторожно, под ноги гляди, ничего не задень, народ не всполоши.

Как сказано, так и сделано. Привела она её в сад царский, посадила в укромный уголок, а сама мгновенно скрылась. Стало смеркаться, звёзды на небе зажглись. Сидит Васёна, неудобно, нога болит, а застонать нельзя. Сидела-сидела, ждала-ждала и видит, впереди огонёк замелькал. Догадалась Васёна, что Горлинка ей знак подаёт, пошла она за ней, привела она её в крутую башню, а там девушка-чернавка стоит. Передела Васёну в платье, которое было на чернавке, а Васёнино платье на чернавку надела. Чернавка вернулась в Васёнину избушку, а Васёна – служить царице вместо чернавки. А надо вам сказать, что чернавка эта была приближенная царицы, с которой она делила все свои сердечные тайны. Вот и говорит она ей:

– Я скоро умру, накажу тебе такой наказ, что царевича, на ком он захочет жениться, беспрепятственно женить. Отец стал стар, ему долго на троне не продержаться. Народ стал жадный, стал всё наше богатство растаскивать. Надо, чтобы было кому за богатством смотреть, надо, чтобы было кому и государством править. А если царевича не женить, этого не случится. И все наше богатство по миру пойдёт. Только один мой наказ: пусть царевич женится, на ком ему будет любо, кто ему приглянется, да кто к его душе приложится; но нельзя сделать так, чтобы он женился на мужижкой дочери.

Сказав эти слова, она умерла.

Осталась чернавка прислужницей по-прежнему в покоях царицы: убирает да вымывает, наряжает да пыль смахивает.

И вдруг вздумалось царю второй раз жениться. Услышал он, что где-то в заморском государстве живёт молодая царица-вдова. Решил он её к себе переманить: слышал царь, что

богатство у той царицы несметное, что царство то небольшое, только народу-то ему не надо, у него и своих дармоедов полно, у него своих расхитителей его добра хватает, подумал: «Зачем же мне ещё и жёнинных сюда тащить, пусть уж они там, сами остаются, да только наказать ей надо, чтобы она все у них отобрала, что доброго есть, да ко мне привезла». Как задумал, так и сделал. Привёл он к себе во дворец молодую вдову, переташил все её богатства, и обездолили народ. Бывает временами и засвербит у царя в душе, да рукой на это махнёт. Подумает иногда, что ведь скоро я умру, а всё по миру пойдёт, а про царевича-то как будто бы да и забыл.

И вот однажды лёг спать, у него в ушах жужжит и жужжит, у него в думах жужжит и жужжит. Что такое? Отмахнётся, как от пчелы, – опять жужжит. Думает: «Что такое?» Встал, походил и вспомнил, что это ему покоя-то не даёт сын его, царевич; что давно он уже к нему не поднимался. Знал, он что в ночное время может подняться только его приближённый слуга, которого он в гневе своём палкой своей царской убил. И знал он ещё, что к нему подняться может только чернавка, которая прислуживала жене его, и велел он кликнуть чернавку. Пришла чернавка, он и отправляет:

– Пойди, поднимись к царевичу да передай ему мой приказ, чтобы в сей же час ко мне явился: женить его хочу.

Пошла чернавка к царевичу, сказала, что ей царица велела, царевичу передала, чтоб женился он на той, которая ближе к душе его прилажена, но ни в коем случае на мужицкой дочери не женился. Выслушал царевич её, сказать ей ничего не сказал, а на уме-то своим и держит, что моё счастье в моих руках. «Перейду я благословение матушки, на ком я захочу жениться – женюсь, только одно буду помнить: коль это будет мужицкая дочка, и на мужицкой дочери женюсь, какова бы она ни была, хрома ли, крива ли, больна ли, здорова ли».

С такими думами да и появился перед очи отца своего. Как увидел его царь, заметил, что на висках-то сына уже волосы засеребрились. Думает: «Уж коль постарел, так мне и давно пора. Наверно, надо на покой готовиться». Сказал он ему свою волю, что с завтрашнего дня он будет невесту себе вновь выбирать. Какая ему понравится, пусть на ней и женится, но чтобы это была не крестьянская дочь, чтобы это была не черница, а чтоб это была красавица-девица богатого роду-племени с большим богатством да приданым.

Ладно, настало утро. Глашатаи по всему царству провозгласили, чтоб народ к царскому к дворцу собирался, отцы с матерями вели своих дочерей-красавиц, братья своих сестёр. Стал народ собираться, вышел царь с новой царицей на балкон, а царевича впереди посадил. Тогда чернавка, а это была, надо вам сказать, Васёна, приблизилась по знаку царя, подошла, что-то ей на ухо шепнул. Передёрнула Васёна плечиками, да и заковыляла прочь, и тут царь обратил внимание: ведь чернавка-то у жены была не хроменькая, а эта хромает, та-то была страшенькая, а эта-то из-под платка красотой сияет, да как будто бы ещё и сажей примазана, та-то была одним плечом ниже, а эта-то — стройный тополёк. Только и есть что в ней платье чернавки. Заподозрил царь неладное, да думает: «Ладно, понаблюдаю я ещё, а потом уже решение приму».

Сходила чернавка, куда её царь посылал, приносит она золотые щипцы. Принесла, отдала царю. Подходит к царевичу, поднимает ему ногу, и решили второй гвоздик у подковки выдернуть. Как он возьмётся за гвоздик, так у Васёны в груди заколет, отпустит царь ногу – у Васёны в груди приятно станет. Вот она и поняла, что она не должна позволить, чтобы он из подковки второй гвоздик вытащил. А как же ей подойти? Всё сказала Горлинка: и как себя вести, и о чём разговаривать, а как вот подковку царевичу возвратить – этого Горлинка не сказала. Не было Горлинка в это время здесь. Горлинка-то была уже у Акима в царстве. Что же делать, к кому обратиться, у кого помощи просить или на свои силы положиться? Украдкой взглядывает на царевича, а царевич на неё. И вдруг видит: у него по рукаву ползёт паучок, да что-то паучок ей знакомый показался. Подошла она, взяла у слуги опахало, как будто собиралась соринку с плеча у царевича убрать, да и незаметно паучка-то пальцем

подцепила. Паучок пробрался к ней все выше, выше по плечу, добрался до уха, а она и услышала его шёпот:

– Попроси у царя щипцы, видишь, он справиться не может. А вместо того сделай вид, что ты уронила щипчики. Когда поднимать будешь, из своей пятки гвоздик выдерни, а потом вместо того, чтобы второй гвоздик выдернуть из пятки царевича, ты этот вколоти – всё станет на свои места.

Поговорил и поднялся вверх по невидимой ниточке. Как он сказал, так Васёна и сделала: попросила у царя щипчики:

– Дай, батюшка, я помогу тебе.

Царь посмотрел на неё подозрительно, но думает:

– Здесь же я, здесь мои слуги, здесь моя жена и слуги жены, значит, ничего страшного не случится.

Да и отдал ей щипчики. Стала она вытаскивать гвоздик из пятки царевича и сделала вид, как будто бы у неё рука сорвалась, и щипчики на пол упали; стала она поднимать щипчики, да незаметно на них и ногой наступила, незаметно рукой взяла и, когда стала распрямляться, рукой дёрнула, и гвоздик из своей пятки выдернула. И как будто бы у неё бальзам по всему телу разлился, так ей стало прохладно да легко, так ей стало в голове ясно да разумно, и в глазах светло стало.

На царевича посмотрела, и царевич как будто другим стал. Как будто бы у него лицо светом засветилось. Наклонилась она, чтобы второй гвоздик из подковки выдернуть, ногой-то прикрыла гвоздик, а этот взяла да и незаметно в пятку вогнала царевичу.

И вдруг царевич помолодел на десять лет: кудри зазолотились, глаза радостью засветились, стал он и кричит на весь двор:

– Вот, дорогие мои, моя суженая! Было мне позволено батюшкой-матушкой жениться на ком я хочу – я и выбрал себе невесту по душе.

Царь чуть в обморок не упал. Что такое? Здесь стоят дочери королей, дочери царей, здесь дворянские дочери и поповские дочери, и красавицы, и богатые, а он вдруг на чернавке решил жениться. Кинулся царь было к нему, чтобы Васёну от него оторвать, да руки не достали, народ загородил. Кинулась было царица, чтоб Васёну с балкона сбросить, да тоже руки не достали, о балкон оперлась, да балкон тяжести не выдержал, упала царица с балкона, да и разбилась. Царь в страхе было кинулся в помощь к своей вдове-царице, да и следом за ней жизнь самоубийством закончил.

А на престоле остались Васёна да царевич. И стали они государством править умно да хорошо.

Долго ли, коротко ли, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но настал счастливый час, когда в гости к Васёне и царевичу прилетели Горлинка да Аким. Вот тут-то и задали пир такой неопикуемой горой.

И я на том пиру была, и я на том пиру пила, о чём там рассказали, я слышала да вам передала.

Словарик

Внедалеке – недалеко

Куделя – очищенное волокно льна, конопли или шерсти, подготовленное для прядения

Чернавка (черница) – служанка, которая выполняет так называемую чёрную, т.е. тяжёлую работу

Закоростенные – покрытые коростой